
НАСИЛИЕ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И АНАЛИЗА НАСИЛИЯ В КОЛУМБИИ

Ф. Дуке-Посада

Национальный институт для глухих
Министерства образования Колумбии
ул. Каррера 57С, 64А-29, Богота, Колумбия

Природа и характер насилия рассматриваются сквозь призму национальной культуры с использованием феноменологического и герменевтического подходов (предпринимается попытка выстроить герменевтику насилия). Предлагаемая концептуальная модель требует детального изучения большого круга знаков, символов и норм культуры, чтобы объяснить акты насилия, а также понимания ограничений различных интерпретаций насилия как социокультурного феномена, что обуславливает открытый характер любых его исследований и многоаспектность итоговой интерпретации причин и сути актов насилия в колумбийском обществе.

Ключевые слова: насилие, культура, герменевтика насилия, отрицание Другого, генеалогия, исключение, власть.

Исторически колумбийское общество испытало процесс эндемического насилия. Самые пессимистичные исследователи хронического насилия видят его корни в борьбе за независимость против колониальной испанской власти в 1819 г. и утверждают, что в Колумбии с тех пор так и не смогло установиться истинно демократическое государство с главенством права. С другой стороны, более оптимистично настроенные исследователи видят истоки насилия в Колумбии в XX в. Для первых причины насилия коренятся в чрезмерном централизме и в крайней слабости, которые отличали создание и историческую эволюцию структуры политической жизни страны: исследователи этой группы находят причины насилия в Колумбии в слабости, которую продемонстрировало государство, чтобы превратиться в выразителя интересов всех социальных групп, общего интереса. Для второй группы исследователей главные причины насилия — отказ от аграрного развития, социально-экономическая несправедливость, бедность и отсутствие экономических возможностей у большинства населения страны.

Бесспорно, с первых лет независимости Колумбия испытала различные типы насилия. Первым из них стали гражданские войны XIX в., которые начались вскоре после получения независимости и закончились в самом начале XX в. Следующим типом стало насилие против крестьянства и возникающего рабочего класса в 1920—1930-е гг. Затем последовало политическое противостояние между двумя традиционными партиями, которое вылилось в агрессию против сельского населения и экспроприацию сельскохозяйственных земель в 1950-е гг. В 1960-е гг. началась партизанская война против сложившегося в стране политического порядка, направленная на захват власти в целях революционного преобразования общества. В 1980-е гг. оформляется политическая реакция таких властных групп, как землевладельцы и политики, которая приводит к возникновению крайне правых полити-

ческих сил, дифференцированных по типам своей активности: партизанские войны, полувоенные формирования, перевозка наркотиков и государственная служба.

Несмотря на важность феномена насилия в обществе Колумбии, количество литературы по этой теме незначительно, и первое исследование в этой области было проведено в 1960-е гг. Большая часть современных исследований предлагает лишь частные объяснения данной проблемы, а их авторы, как правило, придерживаются скорее описательной, а не аналитической стратегии изучения феномена насилия в современном колумбийском обществе. Поэтому мы считаем необходимым разработать новую теоретическую модель анализа проблемы насилия в Колумбии прежде всего через социологическое определение предмета исследования. Для этого необходимо переформулировать вопросы, на которые до настоящего момента ориентировались все исследования в данной области. Эту теоретическую модель мы попытаемся построить исходя из следующей гипотезы: в противовес мнению многих исследователей в Колумбии, кроме культуры насилия, исторически сложилась культура исключения, на основе которой был создан несправедливый социально-экономический и политический порядок, поддерживаемый закрытой авторитарной институциональной структурой, ставшей причиной появления насилия.

Итак, мы рассматриваем насилие как социальный процесс, который подразумевает полное и радикальное отрицание Другого, что связано с конкретными историческими процессами доминирования и власти, которые возникают в сфере социальных отношений. Поэтому насилие — не только материальный и исключительно объективный факт агрессии по отношению к индивиду или социальной группе — ему предшествует совокупность символических представлений, которые возникают в сфере культуры и принимаются обществом как нормы, регулирующие процессы разрешения социальных конфликтов. Прежде чем углубиться в изучение процесса генезиса феномена насилия, необходимо сделать ряд уточнений методологического характера: во-первых, статья написана в контексте феноменологической исследовательской перспективы; во-вторых, в работе применяются элементы структурно-конструктивистского подхода; в-третьих, феномен насилия рассматривается в долгосрочной исторической перспективе.

«Понятие времени заключено в самом осуществлении акта (или акта мысли) как актуализация потенциальной возможности, которая, как следует из определения, является представлением неактуального и депредставлением актуального. Так же здравым смыслом понимается течение времени. Практика, за редким исключением, не составляет будущего как такового, в рамках проекта или плана, разработанного осознанным и свободным волевым актом. Практическая деятельность, в той мере, в коей таковая имеет смысл и является разумной, проходит через немедленное настоящее путем практической мобилизации прошлого и практического предвосхищения будущего, включенного в настоящее как состояние объективной потенциальности. Габитус становится временным в самом акте, через который реализуется, потому что подразумевает практическую ссылку на будущее, вовлеченное в прошлое, продуктом которого является это будущее» [11]. Данная цитата

из работы П. Бурдые формирует ту феноменологическую перспективу, которая была выбрана для изучения насилия в Колумбии. Во-первых, цитата помогает уточнить уже сказанное, что насилие — это не только факт, который проявляется в акте физической или психологической агрессии одного агента по отношению к другому, но и феномен, в чьей фактической реализации отражается акт, в котором выражается или присутствует серия невыраженных актов (берут начало в прошлом), феномен, заключающий в себе будущую траекторию неопределенного количества актов, которые еще не были осуществлены (но проектируются на будущее). Как пишет Бурдые в другой работе, «социальные агенты темпорализуются в соответствии с практическими предвосхищениями будущего, часто неосознанными, по отношению к социуму, где они разворачиваются... и могут делать время по мере того, как они угадывают соответствие между своими субъективными ожиданиями и объективными возможностями, которые предлагает нам общество» [12. С. 283].

Как несколько десятилетий назад говорил М. Хайдеггер, время — не абсолютная субстанция, существующая сама по себе как объективная реальность, а темпорализация через социальные практики: «Временной опыт внедряется в отношения между габитусом и социумом, между готовностью существовать и действовать и упорядоченностью природного или общественного социума» [12. С. 277]. Таким образом, время, точнее, времена — фундаментальный продукт общества, подчиненный властям, которые регулируют распределение его самого или его объективных и субъективных продуктов. Время — не сущность, которая разворачивается линейно, а социальная конструкция, которая далека от априорного и трансцендентального условия историчности. Время — то, что практическая деятельность производит в самом действии, а значит, производит саму себя, т.е. время возникает из социальной практики и составляет суть всей человеческой деятельности.

Следовательно, чтобы понять феномен насилия, мы не должны ограничиваться теориями, которые сводят насилие к фактическим актам агрессии и смерти. Насилие пытались объяснить, раскрывая цели и направленность актов насилия, рассматриваемых как факты в себе, сосредотачиваясь на анализе структурных шаблонов конфликта и характеристиках и его агентов (идентификация, черты, мотивы и намерения), акцентируя изменчивость характера актов насилия на протяжении XX в. Именно так происходит субстантивация, или «фетишизация» [15. С. 64—72] насилия, которое определяется как «всемогущая сила» [32], прогрессивно автономизирующаяся, чтобы превратиться в субстанцию без субъектов и вне контекста.

Чтобы адекватно понимать современное насилие, необходимо изучить исторический процесс, который в Колумбии привел к созданию и постоянному воспроизводству вымышленного изгоняемого Другого в сегрегационистских речах расистского характера, в системе абсолютной власти и геноцида (Другой возникает как внутренний враг — первоначально цивилизационный, позже — модернистский).

Считается, что любое общество должно пройти этап модернизации, так как предполагается, что по мере перехода в фазу модерна в обществе происходят социальные изменения, которые могут привести к осуществлению принципов и ценностей, близких идеям Просвещения (свобода, равенство, братство), т.е. основ демократии. Ученые, которые видят причины насилия прежде всего в слабом государстве, преобразовали идею демократии следующим образом: в Колумбии преобладала «ограниченная демократия», оборотной стороной которой и является насилие, — это логический вывод из концепции, в соответствии с которой политическая система основана на социальном контроле, поэтому проблема насилия как отражение состояния государственной власти может решиться только на политическом уровне. Мы же, напротив, полагаем, что колумбийское общество не сформировалось как нация не потому, что не вошло в фазу современного развития, а потому, что вошло в современность, не будучи сформированным как нация. Объяснение этому факту следует искать в исторических истоках формирования колумбийского общества: ссылаясь на Н. Элиаса, можно сказать, что, чтобы понять феномены, характерные для современного колумбийского общества, среди которых ярко выражено насилие, необходимо прибегнуть к историческому анализу, который позволит нам понять, как и почему колумбийское общество стало таковым, каковым мы видим его сегодня, каковы причины формирования разобщенного общества, главной характеристикой стало воспроизводство идеи исключения и отрицания Другого, прикрытой призывом соблюдения законности [7].

Нация — это продукт социальных отношений, в которых возникают особые взаимозависимости различных социальных групп в определенный момент развития общества, следовательно, это нечто большее, чем просто территориальная интеграция, консолидация внутреннего рынка, транспортной системы и условий благополучия населения. В то же время нация возникает как нечто вымышленное, придуманное на основе самоидентификации и оценки социальными акторами самих себя и других, как *alter ego* действий, когда социальные агенты в повседневной жизни вырабатывают набор интерпретаций, согласно которым оценивают и оправдывают позиции в обществе. Насилие как феномен, выражающий всю суть разобщенного, дивергентного общества, становится элементом общественно-территориального соединения-разъединения. По сути, насилие заключает в себе процессы сцепления—распада в обществе—времени—пространстве.

Исторически Колумбия сложилась как разобщенное общество на базе особой логики, в которой насилие являлось драматическим отражением того факта, что социальные агенты не смогли достичь политического единства, потому что им не удалось участвовать в общей политической борьбе не на жизнь, а на смерть, что могло бы им позволить создать сообщества, основанные на воспоминаниях [1. С. 662]. В ходе политических противостояний в Колумбии образовалось расколотое общество, в котором сформировались социальные группы, основой для самоидентификации которых служат не воспоминания о совместной борьбе. Более того, можно вполне уверенно утверждать, что в колумбийском обществе ни культура, ни язык, ни историческое происхождение не смогли стать важными компонентами общей национальной идентификации.

В принципе можно согласиться с концепцией, в соответствии с которой общество понимается не как однородная действительность, а как совокупность различных региональных и культурных реальностей, однако у каждой нации есть единая ось самоидентификации, которая отвечает за региональное и культурное разнообразие. В Колумбии же произошло следующее: сложилась система социальной стратификации, в которой одна группа населения была включена в нацию, а другая исключена из нее, что фактически стало механизмом самоклассификации, исключения и самоисключения. Эта система социальной классификации стала формой выражения властных отношений в Колумбии. Под властью в данном случае понимается не Власть с большой буквы (политическая, материализующаяся в форме государства), а отношения власти, возникающие в контексте социальных интеракций, которые определяют положение разных социальных агентов в социальном пространстве. Система социальной стратификации, исторически сложившаяся в Колумбии, стала и результатом стратегий, которые слои общества, находившиеся в подчиненном положении, выбрали в качестве механизма самозащиты-сопротивления по отношению к стратегиям подчинения, с помощью которых правящие элиты пытались интегрировать их в систему, в которой они могли существовать лишь при полном послушании или же прибегнув к стратегиям сопротивления, что чаще всего и провоцирует акты агрессии. Эта логика исключения-самоисключения, воплощающаяся в реальных процессах подчинения-сопротивления, и составляет основу генезиса феномена насилия в Колумбии.

Одна из самых распространенных трудностей в изучении экономической истории заключается в сложности понимания архаических приказов вышестоящих лиц, характерных для докапиталистической экономики. Эта трудность часто приводит к тому, что мы заменяем не вполне понятные нам элементы жизни предыдущих эпох собственными представлениями о масштабах и значении того или иного явления. Существуют и очевидные трудности в трактовке прежних временных «расстояний» (дней, месяцев), и мы предпочитаем выражать их в соответствии с современными идеями. Так мы теряем множество элементов, которые могли бы облегчить правильное историческое понимание, например, социального измерения отсутствия безопасности, которое мог ощущать человек в предыдущие эпохи, отправляясь в путешествие.

Исторические исследования логики образования колумбийского общества до сегодняшнего дня недостаточно раскрыли характер его долгосрочной эволюции, что обусловило преобладание тенденции расчленения данного исторического процесса на два периода — до колонизации и современность, несмотря на то, что в 1960 г. возникла новая форма представления истории Колумбии, которая в 1977 г. получила название «новой истории» и знаменует разрыв с господствующей традицией. Тем не менее по-прежнему проводятся специализированные исследования каждого из двух указанных этапов, на которые была разделена история страны, но теперь они включают в себя новый взгляд на социальные страты, которые прежде игнорировались, — индейцев, крестьян, рабочих, и на тематики, все еще мало изученные, — экономические вопросы и социальные конфликты. Однако пока еще нет как таковой «общей истории Колумбии» — это результат того, что большинст-

во историков либо недооценили роль теории в исторической реконструкции либо пытались обнаружить в истории некую рациональность в процессе перемен.

Так, Мело пишет, что «без теорий фрагментация и тривиализация исторического дискурса представляют явную угрозу... Анализ быта и ритуалов может расширить наше видение прошлого общества, но только если он связан с центральными вопросами, которые связывают это поведение со смыслом жизни человека или общества» [23]. Мело волнует и то, что фрагментация мешает исследованию «из-за рационализации процесса изменений»: история, понимаемая как детальный анализ ритуалов и фактов бытовой жизни, может привести «к потере глобальной перспективы и связи проблем между собой, к замене истории как получения сведений о прошлом и поиска ответа на вопрос о рациональности процессов изменений изолированной историей, которую интересуют не мотивы действий, а удивительное, анекдотичное, живописное». Это слабое место не только истории, но и в целом социальных наук в Колумбии, которое оказало и продолжает сегодня оказывать значительное влияние на большинство исследований феномена насилия. Этот недостаток объясняет и тот факт, что в анализе насилия в Колумбии ученые недооценивают диахронический подход или же, пытаясь включить историческую перспективу в свою работу, начинают отсчет с момента получения независимости. Иными словами, ученые ищут истоки колумбийского общества во времени создания республики, т.е. путают генезис общества с генезисом того, что большинство исследователей называют современным государством.

Насилие не только материальный и объективный факт агрессии, направленной против индивида или социальной группы. Факту насилия предшествует комплекс символических представлений, сложившихся в сфере культуры и воспринимаемых обществом как нормы, регулирующие процессы поиска решений социальных конфликтов, т.е. акт насилия порождается доминирующей культурой. Насилие — не исключительно психологическая агрессия одного индивида по отношению к другому. Насилие мотивировано культурными ценностями, которые определяют форму восприятия индивидами друг друга и отношений «инакости». Поэтому при анализе насилия его следует трактовать как явление с собственной логикой, интерпретация которой зависит от способности понять смысл агрессии, скрытой в актах насилия. Таким образом, насилие следует рассматривать в контексте его феноменологической природы: в феноменологии любой вопрос о бытии — это вопрос о смысле существования, а вопрос о смысле — главное положение герменевтики, т.е. для анализа актов насилия требуется выстроить герменевтику насилия.

Необходимое обращение к символам и мифам в понимании самого себя предполагает привлечение значимых сегментов истории и культуры и отсылает нас к изучению исторического контекста, в который погружен процесс формирования данной символической реальности. Для Рикера интерпретация смысла бытия как такового включает герменевтику текстов в той мере, в какой конфликты интерпретации проявляются на уровне текстов, а не отдельных символов. Феномен насилия как форма бытия становится реальностью, наполненной символами и представлениями, которые мотивируют агрессию индивидов. Герменевтический анализ насилия предполагает необходимость детального изучения большого круга знаков,

символов и норм культуры, для того чтобы суметь объяснить акты насилия. Также необходимо учитывать ограниченность понимания и различные интерпретации, возникающие вследствие этой ограниченности, открытый характер исследования, что в итоге позволит приблизиться к адекватной интерпретации актов насилия в Колумбии.

Если мы вводим концепт «герменевтическая интерпретация», то насилие уже не выступает как факт, обусловленный материальными условиями существования людей, типом и характером политических институтов или индивидуальным поведением, психологически мотивированным. Речь идет о постоянном поиске смысле насилия как явления, генезис которого коренится в культурных, символических и вымышленных индивидами моделях Другого, или «инакости». Этот концепт относится не только к констатации чего-то другого вне Меня, но и закрытости моего внутреннего мира, Я, т.е. мы признаем Другого через призму нашего внутреннего Я, а для этого необходимо признать, что Я находится в тесной связи с Другим. Подобная интерпретация базируется на концепции Рикера, в которой речь идет не о простом сравнении «Я похож на Другого», а скорее об отношениях включения «Я как Другой».

Данная посылка — отправная точка нашего исследования: каждый индивид формируется как субъект в рамках процесса субъективации, в котором Я наделяет смыслом свой внутренний и внешний мир и исходя из этого может устанавливать отношения с Другим. Кроме того, необходимо, чтобы Я мог идентифицировать себя с Другим, т.е. был в состоянии встать на место Другого. Но, чтобы понять Другого, нельзя отказываться от собственного мнения и суждений, так как это неотъемлемый компонент нашего самопонимания. В этом состоит ограниченность человеческого мышления: Другой может быть понят только через приписывание ему собственных суждений и появление множества идей. Происходит обогащение самопонимания — не только потому, что индивид всегда принимает чужое как свое, но и потому, что таким образом признается существование иного, более широкого понимания, нежели наша собственная позиция. Индивид отдает себе в этом отчет, признавая свою пристрастность и расширяя тем самым горизонт возможностей. Таким образом, понимать — всегда понимать самого себя. Если не существует символических рамок и механизмов, которые позволили бы принять себя по отношению к Другому, то невозможно преодолеть существующие различия мирным путем.

По Фуко, насилие и власть кардинально различаются: насилие — разрушительное и подчиняющее себе одушевленные и неодушевленные предметы действие, направленное на их уничтожение, а власть — это отношения, в которых один субъект способен влиять на другой и которые подразумевают признание одного субъекта действующим или способным действовать [4]. Иными словами, акт насилия — радикальный разрыв в отношениях, которому предшествует дискурсивный порядок, где один объект не встроен в структуру речи, а напротив, опущен, отсутствует, а если этому сопротивляется и пытается структурировать речь, которая помогла бы ему стать субъектом, то становится объектом ответной реакции, ко-

торая может привести к физическому насилию и даже уничтожению. Насилие — результат форм существования определенного порядка, согласно которому в пространстве и времени возникают упорядоченные связи и изменения в структуре речи, в знаниях и в социальной практике. Эти формы существования выражений порядка, как считает Фуко, можно считать фундаментальными, поскольку они предшествуют словам, восприятию и жестам, их можно переводить с большей или меньшей точностью и верностью. Так, в каждой культуре есть опыт познания порядка, лишённого любых проявлений. Этот порядок предшествует тому, что мы называем компьютерным программированием и размышлением о порядке, т.е. предшествует языку и речи, которые строятся на его основе. Таким образом, насилие — результат структурирования метаязыка, который априори регулирует речь и благодаря которому возникает сама возможность власти и социальных практик.

Где же проявляется этот метаязык, регулирующий возникновение дискурса и создающий условия для формирования отношений власти и социального опыта, из которых проистекает насилие? По Бурдьё, это «социальное пространство» как «комплекс различных сосуществующих связей, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции», и в этом смысле оно имеет иерархическую структуру, предполагающую различное и неравное расположение социальных групп в социальном пространстве — «сверху, снизу или между» [10. С. 16]. Социальное пространство организуется таким образом, что агенты или группы распределяются в нем в зависимости от того, каким образом в определенный исторический момент распределяется экономический и культурный капитал между ними, т.е. «агенты имеют тем больше общих свойств, чем более близки в этом пространстве, и тем меньше, чем более удалены друг от друга» [10. С. 18].

Социальное пространство не является нейтральным полем, на котором общественные классы и группы распределяются ровно и симметрично в соответствии с вышеупомянутыми расстояниями таким образом, что создаются свободные отношения собственности и конфликтов. Социальное пространство — «поле, имеющее силовой характер, поле сражений, на котором сталкиваются агенты с разными целями, исходя из их положения в структуре поля, пытаясь сохранить или трансформировать его структуру» [10. С. 49]. Структура, которая возникает в результате деления на социальные классы в социальном пространстве, не является неизменной; наоборот, она склонна к изменениям, связанным с переделом собственности и распределением экономического и культурного капитала, что, в свою очередь, ведет к изменению самого социального пространства. Особое влияние здесь оказывают отношения силы, существующие между социальными классами и группами. В этом смысле социальное поле является средой для взаимодействий («игровые пространства») неравных акторов, взаимозависимых и противоречивых, образовавшейся исторически, которой отвечают особые официальные и неофициальные институты, законы, нормы и ценности. На социальном поле действующие лица выдвигают на первый план свои специфические интересы, которые соответствуют их положению и близости в социальной структуре.

В отличие от детерминистских концепций социальных преобразований, включающих те, что понимают изменение как результат материальных условий производства (экономический детерминизм), те, что связывают изменения с динамикой социальных акторов в связи с формой власти Государства (политический детерминизм), те, что отдают предпочтение волонтаристским факторам социального действия, согласно Бурдьё, изменения — результат сочетания объективных и субъективных факторов, и нельзя не учитывать специфического влияния каждого из них. Динамика преобразований зависит от отношений социального пространства к габитусу: «пространство общественных позиций преобразуется в пространство завоевания этих позиций посредством пространства предрасположенностей (или габитусов)... каждой группе позиций соответствует определенный род габитуса (или склонностей), выработанных и обусловленных социальными факторами, ассоциирующимися с существующими условиями, посредством этих габитусов и их генеративных способностей возникает систематический комплекс благ и объектов собственности, объединенных между собой сходством стиля» [10. С. 19]. Иными словами, между пространством социальных позиций (структурное измерение общества) и пространством символических предрасположенностей, или габитуса (измерение социального или субъективного действия), существует двойное противоречие: социальное пространство определяет возникновение субъективных элементов общественной динамики — габитус; это явление отражается на пространстве социальных позиций и может спровоцировать изменения в распределении генеративных способностей, что, в свою очередь, определяет расстановку классов на социальном поле.

Отсюда следует, что недостаточно руководствоваться только неравным и асимметричным расположением классов в социальном пространстве для объяснения природы возникновения и нарастания конфронтаций и конфликтов. Неравновесное положение, которое приводит к столкновению сил, необъективно по сути, хотя в нем заключается силовой потенциал каждого из классов внутри социального пространства: классы распределяются в пространстве в зависимости от реального сальдо капитала — как отношение между экономическим капиталом и культурным капиталом, которым располагает каждый из них; но этого недостаточно, чтобы были запущены силовые механизмы — только когда участники социального процесса становятся способны активизировать силовой потенциал, которым располагают, выходит на поверхность вопрос о власти, и только в этот момент в социальном пространстве возникает конфликт между социальными классами. К тому же власть — не атрибут, которым кто-то обладает, а отношение, возникающее в результате столкновения силовых механизмов, которыми располагает каждый из классов: «поле власти — это пространство силовых отношений... между агентами, которые в достаточной степени обладают различными видами капитала, позволяющего им доминировать на соответствующем поле, битвы на котором усиливаются каждый раз, когда ставится под сомнение относительная стоимость различных видов капитала» [10. С. 50].

Следует обратить внимание, что Бурдьё говорит об «агентах, которые в достаточной степени обладают различными видами капитала, позволяющего им доми-

нирывать на соответствующем поле», т.е. простое обладание капиталом не достаточно. Важный момент в ситуации, когда с трудностями сталкиваются группы агентов и институтов, которые объединяет факт обладания определенным количеством специфического капитала (экономического или культурного), достаточного для занятия доминирующих позиций в соответствующих сферах, — сохранение или преобразование «оценки изменений» в видах капитала и во власти над бюрократическими инстанциями, которые в состоянии модифицировать ее посредством административных мер (например, могут воздействовать на дефицит школьных «титолов», дающих доступ к доминирующим позициям, а вместе с тем на относительную ценность этих титулов и соответствующих позиций). Силы, которые могут быть затрачены на эти битвы и выбор их направления (консервативного или ломающего устои), зависят от «оценки изменений» в видах капитала, т.е. от того, что именно битвы стремятся сохранить или преобразовать. «Господство — не исключительный или прямой эффект действия, произведенного группой агентов («господствующим классом»), облеченных властью принуждения, а косвенный эффект сложного комплекса действий, которые зарождаются в цепи пересекающихся насильственных актов, которым подвергается каждый из представителей господствующего класса, управляемых структурой поля, посредством которого осуществляется доминирование со стороны всех остальных» [10. С. 51].

Если позиция на социальном поле (структурное измерение) недостаточна для обнаружения конфликта интересов между социальными классами, что же необходимо, чтобы конфликт стал очевиден, чтобы социальные классы активизировали свои силовые механизмы? По Бурдьё, нужна конфигурация «габитуса» — «этого генеративного и унифицирующего принципа, который переводит сущностные характеристики какой-либо позиции в общий стиль жизни, т.е. унитарного комплекса выбора людей, благ и опыта». Габитус является системой представлений и оценок, которые позволяют социальным агентам — как индивидуальным, так и коллективным (группам или классам) — действовать, чувствовать и думать определенным образом, в соответствии с позицией, которую они занимают в социальном пространстве. В этом смысле габитус — некая форма практического смысла, который действует как «приобретенная система предпочтений, принципов, взглядов и различий (что принято называть вкусом), когнитивных долговременных структур (которые по существу являются плодом присоединения объективных структур) и схем действий, которые направляют восприятие ситуации и адаптированный ответ» [10. С. 40]. По сути, утверждаются императивы, которые направляют действие и в равной мере позицию на социальном поле. Одновременно они позволяют дифференцировать и внедрять противоречия в общественное поведение агентов, встречающихся в социальном пространстве, но «также и разрешают противоречия: пускают в ход различные принципы разделения или используют в разной форме общие принципы разделения». Посредством габитусов устанавливается отношение и взаимозависимость между субъектом и системой, что делает возможным появление связи между субъективной и объективной оценкой общества. Габитус дает социальным агентам «системный комплекс простых принципов, частично заменяемых, благодаря которым может быть выработано бесконечное множество решений, не связанных напрямую с условиями своего производства».

Для Фуко власть — не предмет, которым обладает субъект или член общества и которого другие лишены. Власть — это непоколебимая сила, существующая в определенном месте и задаваемая социальной структурой. «Власть — не учреждение и не структура, не некая сила, которой обладают определенные личности. Это имя, данное сложным стратегическим отношениям в данном обществе... Власти как субстанции не существует... Идея, что есть что-то, находящееся в данном месте или происходящее из него, и что это что-то есть «власть», на мой взгляд, базируется на ошибочном анализе... На самом деле власть означает отношения, более или менее организованную, иерархизированную, координированную сеть» [4]. Поскольку власть — это отношения силы, она формируется в обществе с момента его зарождения. Власть есть в любом социальном явлении, и в этом смысле любые социальные отношения — это средства и выражение власти. Власть — не уникальное наследие госаппарата: существует большое количество векторов силы, среди которых государственные учреждения выступают лишь местами наибольшего сосредоточения и интенсивности практики власти. Знание — тоже социальный продукт, который зависит от позиций и интересов субъектов, им обладающих: «„Правда“ должна пониматься как организованная система средств для производства, регулирования, распределения, распространения суждений. „Правда“ вовлечена в круговые отношения с системой власти, которые ее производят и поддерживают» [4].

Власть навязывается и осуществляется не столько путем обмана и силой, сколько производством знания, организацией речи. «Поэтому то, что делает власть, поддерживается, принимается. Власть — это не только авторитет, который говорит «нет», но который еще снабжает фактами, производит вещи, способствует наслаждению, знанию, создает речь. Нужно считать власть продуктивной сетью, проходящей через весь социум, а не негативной инстанцией с функцией подавления. Власть скорее правит, а не запрещает, предоставляет индивиду альтернативы, подходящие для действия, направляет поведение в нужное русло» [5]. Фуко назвал ее «пасторальной властью», силой, фиксирующей структуры производства человеческой субъективности.

В этом смысле самым общим проявлением власти с политической точки зрения будет практика правления, которая является самой очевидной и признанной формой выступить на реальном и возможном поле действий других. Вот почему Фуко убежден, что в конце концов иметь власть — это всего лишь «следить за поведением», т.е. возможность расширять или сужать сферу действий других. Обладающих властью называют действующими или ответственными: способными действовать и особенно отвечать за других. Следуя этому определению, Фуко утверждает, что «нет отношений власти без противостояния. Оно реально и эффективно, если создается в нужном месте, где есть отношения власти».

Напротив, насилие — это радикальное проявление отрицания, выражение постоянного «нет», отрицание возможности существования Другого. Поэтому насилие объясняется логикой включения-исключения, в которой то, что нельзя включить, исключается. Включенным может быть все то, что не сопротивляется включению в логику существующего порядка. Оно идентифицируется благодаря априорности речи, составляющей важнейшие вехи языка и социальной сферы.

Признаются лишь те выражения и субъекты, которые входят в «сетку», устанавливающую порядок вещей, речей и социальных практик. Они признаются идентичными и впоследствии отказываются от своей личности и единичности в качестве субъектов. Все, что сопротивляется своему включению и унификации, абсолютной и тоталитарной, должно быть исключено и уничтожено — такова социологическая трактовка истоков насилия.

С того момента, как в Колумбии элита стала властью, исторически сформировался дискурс, который стремится к интеграции зависимых слоев общества на основе послушания и покорности или отрицания и исключения. Иначе говоря, элита закрепила за собой власть посредством доминирования, основанного на дискурсе в основном исключаящего характера в отношении зависимых слоев общества, перед которым был поставлен выбор: принять и покорно смириться с намерениями власть имущих или противиться им, что влечет за собой серьезные последствия вплоть до физического насилия, официальных репрессий и смерти. В Колумбии после обретения независимости происходило интеллектуальное и правовое создание государства без понятной модели конфигурирования и структурирования общественных отношений. Государство как относительно единая политическая конструкция сложилось в расколовшемся и сломленном обществе, где даже на сегодняшний день не удалось преодолеть разрушительной логики социального поведения. Речь идет о сохранении множества расходящихся рациональностей, структурирующих и укрепляющих различные социальные реалии, не признающих одна другую, находящихся в постоянном напряжении, что обуславливает сохранение конфликтных отношений, разрешающихся путем одновременного отрицания друг друга. Данная интерпретация позволяет понять, что насилие в Колумбии в большей степени обусловлено подавлением Другого, чем политической изоляцией, бедностью или любыми другими факторами структурного характера. Насилие — результат нетерпимости, понимаемой как акт равнодушия и отчуждения Другого, а нетерпимость как сокрытие и отрицание субъективной относительно нашего опыта и мировоззрения может приводить только к насилию. Колумбийское общество выстроило собственную идентичность без элементов, характерных для структуры исторического родового субъекта, которая может базироваться только на представлении самих себя с позиции социального и радикального опыта Другого, поэтому общество и прошло путь шизофреника, который, потеряв контакт с реальностью, не смог найти свое alter ego путая бред с реальностью, утратив связи с прошлым.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вебер М. Экономика и общество. — М.: Фонд экономической культуры, 1997.
- [2] Бурдьё П. Социология политики. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Burd/index.php
- [3] Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко / Отв. ред. и послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001.
- [4] Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/istoria.txt>

- [5] Фуко М. Слова и вещи. — URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt>
- [6] Элиас Н. Общество индивидов. — М.: Праксис, 2001.
- [7] Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. — М.: Директмедиа Паблишинг, 2007.
- [8] Aguirre I. Los Grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia. 3 Tomos. Tercer Mundo Editores. Bogotá. X Edición. 1984.
- [9] Arocha J. La Violencia en el Quindío / Ed. T. Mundo. Bogotá, 1980.
- [10] Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action. Paris, 1994.
- [11] Bourdieu P. La Lógica de los campos // Entrevista. Revista Zona Erógena. 1993. N.16.
- [12] Bourdieu P. Reflexiones Pascalinas. Siglo XXI. — Buenos Aires, 1999.
- [13] Camacho A. El ayer y el hoy de la violencia en Colombia: continuidades y discontinuidades // Revista Análisis Político. Universidad Nacional de Colombia. Bogotá, 1996.
- [14] Camacho A. Violencia urbana: Cali y Medellín // Medellín: alternativas de futuro. Medellín, 1992.
- [15] Camacho A., Guzmán A. Violencia, democracia y democratización en Colombia // Revista Nueva Sociedad. — 1989. N.101.
- [16] Casas P., González Cerero P. Políticas de seguridad y reducción del homicidio en Bogotá: mito y realidad. Bogota: Fundación Seguridad y Democracia, 2003.
- [17] Echandía C. Violencia y Desarrollo en el municipio colombiano // Consejería para la Seguridad. Bogotá, 1994.
- [18] Echandía C. El conflicto armado en Colombia: balance y perspectivas // Consejería Para la Seguridad. Bogotá, 1997.
- [19] Echandía C. Tendencias y evolución reciente del conflicto armado en Colombia. Bogotá, 1997.
- [20] Echandía C. Colombia: dimensión regional del homicidio. Bogotá, 1997.
- [21] Guzmán G., Fals B., Orlando y Umaña L. La violencia en Colombia. Bogotá: Tercer Mundo, 1964.
- [22] Melo J.O. La República Conservadora // Colombia Hoy. Biblioteca Presidencia de la República. XVI Edición. Bogotá, 1996.
- [23] Melo J.O. Historiografía Colombiana: realidades y perspectivas. URL: <http://www.lablaa.org/blaavirtual/historia/grafia/indice.htm>.
- [24] Melo J.O. Historia de Colombia: el establecimiento de la dominación española. Biblioteca Luis Ángel Arango. Biblioteca Digital Andina. Bogota, 1977.
- [25] Palacio M., Safford F. Colombia: país fragmentado, sociedad dividida. Bogotá: Editorial Norma, 2002.
- [26] Pecaute D. Orden y violencia: Colombia 1930—1955. Bogotá: Siglo XXI Editores-Cerec, 1987.
- [27] Pecaute D. Crónica de dos décadas de política colombiana: 1968—1988. Bogotá: Siglo XXI Editores, 1988.
- [28] Pecaute D. La pérdida de los derechos, del significado de la experiencia y de la inserción social // Estudios Políticos. — 1999. — N.14.
- [29] Samper J.M. Ensayo sobre las revoluciones políticas y la condición social de las Repúblicas Colombianas. París: Imprenta de E. Thunot, 1861.
- [30] Sánchez G. Guerra y política en la sociedad colombiana. Bogotá, 1991.
- [31] Sánchez G. Ensayos de historia social y política del siglo XX. Bogotá, 1985.
- [32] Sánchez G. La violencia y la supresión de la política. URL: <http://www.lablaa.org/blaavirtual/historia/ensayo/gonzalo.htm>.
- [33] Sánchez G., Meertens D. Bandoleros gamonales y campesinos: el caso de la violencia en Colombia. Bogotá, 1983.
- [34] Sánchez G., Peñaranda R. (Ed). Pasado y presente de la violencia en Colombia. Cerec-Bogotá, 1986.

VIOLENCE AS A CULTURAL PHENOMENON: SOCIOLOGICAL CONCEPTUALIZATION AND ANALYSIS OF VIOLENCE IN COLOMBIA

Fernando Duque Posada

National Institute for the deaf
Ministry of Education, Colombia
Carrera 57C No. 64A-29 Bogotá D.C.

In this article the nature and features of violence are considered through the prism of national culture with the help of the phenomenological and hermeneutical approaches (attempting to construct the hermeneutics of violence). The proposed model requires a detailed study of a great number of signs, symbols and norms of culture in order to explain acts of violence, as well as to understand the limitations of various interpretations of violence as a socio-cultural phenomenon, which conditions an open nature of any studies of violence and multifold interpretation of the causes and essence of acts of violence in Colombian society.

Key words: violence, culture, hermeneutics of violence, negation of the Other, genealogy, exclusion, power.